УДК 111.1:159.953

ЗНАКОВАЯ СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

О.Т. Лойко

Томский политехнический университет
E-mail: olgloiko@yandex.ru

Осуществлен анализ роли и места знака в выявлении сущности социальной памяти. На основе исследования основных научных позиций, рассматривающих знак как соотношение «означаемого и означивающего», автор приходит к выводу о бытийствовании социальной памяти как сложной семиотической системы.

Исходным моментом анализа знаковой сущности социальной памяти выступает положение о том, что знаковая структура, фиксирующаяся в сознании и сохраняющаяся в памяти, не создается субъективно. Ее элементы возникают в рефлексирующем сознании человека как нечто самостоятельное, появляющееся в момент взаимодействия спонтанно и императивно. Знаковая структура оказывается своеобразным дискретным слепком и морфологическим результатом взаимодействия человека и социоприродного универсума, возникающим на основе становления отношений «означиваемое – означивающее».

Глубинная имманентная связь памяти и ее знаковой сущности отмечается еще в трудах блаженного Августина, где знак определяется как предмет, возбуждающий мысль о чем-то, находящемся за пределами того впечатления, которое сам предмет производит на наши чувства. Импульс, побуждающий человека, прибегая к помощи знаков сделать свою речь понятной собеседникам, относящимся к иным социокультурным стратам. Мысль о «совечности», привязанности знака к социальным обстоятельствам, позволила М.К. Петрову поставить проблему знака в контекст социальности, но не решить ее.

Попытаемся выделить отношение к знаку в зависимости от обозначаемого. Для реализации этой задачи объединим отношения «знак – обозначаемое» в несколько групп. Первая рассматривает знак – обозначаемое в качестве особого знака. Отношения строятся по принципу именования. Знак дает имя тому, что обозначается знаком. Инвариантом этой позиции выступает обозначаемое – знак, где фиксируются отношения референции, т.е. то, насколько обозначаемое реально соответствует содержанию и, следовательно, пониманию сущности знака.

Вторая группа наиболее полно способна выявить отношения, возникающие собственно между знаками, которые могут принимать следующие формы:

- отношение знаков друг к другу. Это отношение проявляется как синтаксис;
- отношение использующего знак субъекта к употребляемым им знаковым системам, что фиксируется прагматикой.

В контексте исследования знаковой сущности социальной памяти для нас важны все выявленные оппозиции знака. Первая группа позволяет установить как бы первичный уровень постигаемости знакового содержания социальной памяти. Эта семиотическая операция способствует установлению общего ментального тезауруса, который не позволяет социуму забыть значение и имя того события, которое уже «включено» в содержание социальной памяти. Однако данная семиотическая операция возможна лишь тогда, когда социум (отдельный человек, или социальная группа, или общество) сознательно использует одинаковые знаки и идентичное их именование. Если такового не происходит, что бывает достаточно часто, тогда семиотическая система выступает в качестве способа манипуляции сознанием и поведением человека, происходит акт семиотической амнезии как частичной, так и, в отдельных случаях, полной. Примерами подобной знаковой манипуляции являются действия практически любого политического сообщества: от тоталитарных режимов до современных демократических объединений. Так, в 1933 г. по поводу празднования Дня Матери в Германии создали текст, в котором была сознательно осуществлена семиотическая аберрация: общеутвердительное суждение «Мать – основа семьи и общества» было подменено частноутвердительным: «Только немецкая мать – есть основа семьи и общества». Семиотический оксюморон, в основе которого была заложена логическая ошибка, стал основой возвеличивания всего национального и, следовательно, получил собственное знаковое именование и, соответственно, искажение содержания социальной памяти на уровне знака.

Рассматривая проблему референции знака в более точном постижении сущности, отражающей содержание социальной памяти и позволяющей на этой основе восстановить единое для социума ментальное поле, мы не можем не остановиться на рецепции знака в философии постмодерна, который фиксирует парадигмальную презумпцию постмодернизма на восприятие семиотических сред как самодостаточной реальности – вне какой бы то ни было гарантированности со стороны внетекстовых феноменов. Экспликация референциальной концепции знака приводит в конечном итоге к утрате понимания смысла, озна́чиваемого знаком, что, в свою очередь, создает такое семиотическое пространство, в котором знак не только теряет свой изначальный смысл, но и приобретает новые смыслы, практически не связанные с его сущностным содержанием. Знак, оторванный от референта, вне сомнения, способен создать новую семиосферу, но ее содержание будет понято лишь предельно огра-

ниченной социальной группой. В этом случае социальная память превратится в невостребованный архаизм, не способный обеспечить связь времен и поколений. Сами же знаки преобразуются в еще один интеллектуальный вариант «игры в игру».

Перенесем проблему знака на иное герменевтическое поле, где необходимо установить синтаксические и прагматические отношения в понимании содержания социальной памяти, возникающие между различными стратами. Синтаксические отношения способны определить структурные свойства систем знаков и правил их образования. Прагматика способна установить отношения между знаковыми системами в процессе их использования социумом. Именно синтаксическая система знаковых выражений позволяет фиксировать такие устойчивые семиотические выражения, которые определяют более глубокий уровень постижения содержания социальной памяти. Синтаксис и прагматика образуют вторичную знаковую систему социальной памяти, в которой выстраиваются отношения между тем, что уже произошло, зафиксировалось в содержании социальной памяти и может быть передано последующим поколениям, в рамках этой вторичной семиологической системы. После установления предварительных линий, связывающих знак и содержание социальной памяти, проанализируем уже имеющиеся теоретические подходы, анализирующие знак с интересующих нас позиций.

Наиболее адекватно и корректно роль знаков в анализе социальных отношений осуществляется в работах М. Бахтина. Мы разделяем его позицию по поводу того, что все социальное обладает значением, которое изображает нечто, вне его находящееся, выступающее как знак. Тем самым вещь, оставаясь сама собой, отражает другую действительность. Возникает, наряду с природным, особый семиотический мир – мир знаков. Этот мир знаков (первая, выделенная нами группа – знак – означаемое – означаемое – знак) создает и внешнее «тело» знака, благодаря которому мы можем этот знак отличить от иных, зафиксировать в памяти, передать его содержание другому. Это «тело» знака служит как бы внешней оболочкой реализующей понимание. Сознание, память в этом контексте раскрывают себя с помощью знаков. Создается определенная цепочка, когда один знак порождает другой. Сам процесс знакопорождения осуществляется в сознании человека, а затем, с целью более глубокого осознания и запоминания, переходит в память. Причем именно в этом промежутке можно достаточно точно произвести разделение памяти на долговременную и кратковременную. Кратковременная память выступает в этом отношении, по определению Роберты Клацки, как «хранилище с ограниченной емкостью» [1. С. 91], объем которой равен семи знаковым единицам. Если же знаковые единицы, сохраненные кратковременной памятью, отражают значимую для человека информацию, совершается переход к памяти долговременной. Последнее позволяет сделать вывод о том, что переход от кратковременной к долговременной памяти – это не столько психологический, сколько семиотический процесс, отягощенный ценностно-смысловым контекстом. Активная роль в этом переходе отводится человеку в силу того, что именно он способен задать определенную модальность отношениям, возникшим между содержанием запоминаемого и его аксиологической нагруженностью.

Эта цепь от знака к знаку – непрерывна и едина, но ее содержание может меняться в процессе озна́чивания человеком своего мира. В этом случае память в социальном контексте напоминает постоянно пульсирующее ядро, аккумулирущее знаки, которые ей посылает маргинальная окраина социума, и, одновременно, идет обратный процесс, когда энергия знакового ядра социальной памяти озна́чивает и тем самым сублимирует мир знаков окраинной ойкумены.

Созданный человеком знаковый материал образует среду общения между индивидами. При этом необходимо, чтобы сами индивиды были социально организованы, так как именно социальная организация становится основой бытия знаковой среды, которая фиксируется в сознании, а затем или практически одновременно транслируется в содержание социальной памяти. Эту позицию в отношении интерпретации знаковой сущности социальной памяти мы определим как рационалистическую. Аргументом в пользу высказанного тезиса является такое понимание знака, действительность которого всецело определяется условиями и формами социального общения, в процессе чего знак собственно и обретает свое более или менее однозначное значение, а само бытие знака выступает материализацией общения. Знаковый характер этого общения наиболее ярко и полно выражается в языке. Действительность слова проявляется в самой функции быть знаком. Одновременно слово выступает не только наиболее показательным, но и нейтральным знаком. Оно может нести любую как научную, так и моральную, религиозную функцию. Поскольку слово-знак воспроизводится человеком, группой, то оно становится основой внутренней жизни сознания человека – его внутренней речью. В этом случае слово способно осуществляться как знак, не будучи до конца выраженным во внешней речи. Проблема индивидуального сознания – это проблема внутреннего знака, который, фиксируясь в социальной памяти, образует особую модальную парадигму отношения к миру.

Если провести последовательно линию в понимании взаимосвязи знака и сознания, с одной стороны, и знака и социальной среды, с другой – становится неясно, где в таком случае «хранится», передается содержание сущности самого знака и каким образом сознание человека, обладая одной знаковой системой, способно передавать знаковое содержание своего внутреннего мира другому субъекту, используя при этом знаковую систему Другого.

Выйти из данного не только теоретического, но и практического парадокса возможно лишь при помощи принятия его как одной из гипотез фиксации содержания знака в социальной памяти человека. Именно это позволит определить с большей отчетливостью целостность и полисемантичность его содержания. Последнее обстоятельство позволит более адекватно сохранить в содержании социальной памяти ту выявленную и общепризнанную общность, которая и предоставит человеку, обладая определенной ментальной вместимостью, понять собеседника.

Концепция М. Бахтина [2] фиксирует свое внимание на отношении знака к знаку внутри замкнутой семиотической системы, принятой и согласованной с тем или иным научным сообществом, раскрывает синтаксическое отношение внутри знаковой системы, позволяет установить соотношение знаков, их отражение в сознании, но лишь ставит вопрос о том, как может быть соотнесено означаемое и означающее в реальном бытии социальной памяти.

Мы полагаем, что достаточно продуктивной является позиция Г.В. Гриненко, которая, анализируя сакральные тексты во взаимосвязи с коммуникацией, рассматривает любой текст как упорядоченную последовательность знаков, имеющих синтаксические, семантические и прагматические характеристики. Использование знаков и знаковых систем, как считает автор, позволяет человеку оперировать в своем сознании с «заместителями» объектов внешнего мира, создавать знаковые модели действительности, выявлять свойства и отношения между ними. Несомненным достоинством рассматриваемой концепции является постановка проблемы образования знаковых систем, своеобразный синтаксически-прагматический симбиоз, который позволяет автору ввести понятие «интерпретатора или субъекта семиозиса» [3. С. 54]. Образование знаковых систем приводит к появлению в них особого типа знаков, которые ничего не означают вне данной системы, а служат для указания на отношение между самими знаками внутри системы и организуют знаки в упорядоченной последовательности. В этом отношении знаки подразделяются на значащие в подлинном смысле слова (категорематические) и знаки, указывающие на нечто иное (синтатегорематические).

В контексте нашего исследования анализируемая позиция имеет одно существенное преимущество – вводя в семиотическое пространство фигуру интерпретатора как субъекта семиозиса. Эта позиция позволяет определить активную роль человека в семиотическом процессе. В то же время мы считаем, что сущность выявленной теоретической парадигмы во многом является реминисценцией позиции Э. Кассирера, который, как известно, рассматривает человека как существо, создающее символические знаки. Одновременно вызывают сомнение выявленные Г.В. Гриненко «типы знаков, которые ничего не обозначают» [3. С. 76]. Формальная логика достаточно давно использует для их именования особую логическую категорию, называя это спекулятивное явление «понятиями с пустым объемом». Для того, чтобы включить эти понятия в логико-семиотический процесс, необходимо задать определенные отношения, что в исследовании Г.В. Гриненко отсутствует. Одной из закономерностей в исследовании знака в настоящее время является вольное или невольное тяготение авторов к анализу не столько собственно знаков, сколько знаковых систем. Эта позиция достаточно симптоматична для работ С. Лангера, А. Соломоника, И. Корсунцева. Отмечая особую взаимосвязь знака и слова, авторы различает три значения самого слова «значение» – обозначение, денотат и коннотация, которые в равной степени правомерны, но не взаимозаменяемы. Денотат определяет сложнейшие отношения имени к объекту, носящему это имя. Зачастую денотатом выступают не только реально существующие, но и идеализированные объекты. Коннотация определяет смысл означенного в данном слове. Соотнесение обозначения, денотата и коннотации, при условии, что эта соотнесенность осуществляется в едином ментальном хронотопе, способствует точной интерпретации события и, соответственно, возможно более адекватной его фиксации в содержании социальной памяти.

Рассмотрение знаковых систем как определенных семиотических целостностей, позволяет, согласно концепции А. Соломоника, представить их в качестве инструментов, «при помощи которых человек взаимодействует со знаковой средой (иного уровня – О.Л.), переделывает среду и инструменты» [4. С. 42]. Соответственно, для функционирования знаковой системы автор вводит триаду: реальность – сознание – знаковая система. Таким образом, знаковая система выступает как постоянно меняющая сами знаковые системы синтаксически-прагматическая семиосфера. Но любая знаковая система будет успешно функционировать лишь в случае, если ее содержание не только фиксируется сознанием человека в актуальном его бытии, но и находит возможность сохранения и передачи этого содержания последующим социальным стратам. Таким образом, вновь актуализируется знаковая сущность социальной памяти.

Именно знаковость, детерминирующая содержание памяти, достаточно корректно обосновывается Т.А. Себеоком, который пишет, что «прошлое есть теория, или другая система знаков; у нее нет иного существования, кроме как в свидетельствах настоящего. На семиотическом уровне мы создаем прошлое наравне с настоящим и будущим» [5. С. 43]. Эта теоретическая позиция как нельзя более точно объясняет связь социальной памяти с постоянно воссоздающейся семиотической системой. Фактически человек в контексте социальной памяти, понимаемой как особая семиосфера, выступает в качестве активно создающего, транслирующего и интерпретирующего знаковое поле социальной памяти.

Анализ представленных в статье семиотических концепций позволяет сделать вывод о латентной «отягощенности» семиотических парадигм проблематикой вечной Мнемозины. Но ограничиться лишь манифестацией этой вирулентной зависимо-

сти проблематики социальной памяти ее знаковым содержанием было бы опрометчиво. То, что в отдельных концептах присутствует мистериально, должно быть продемонстрировано реально.

Осознавая всю сложность выбора семиотической парадигмы, в рамках которой наиболее отчетливо высвечивается знаковая сущность социальной памяти, обратимся к исследованиям Р. Барта и Ч.С. Пирса. Данный выбор продиктован тем, что в работах Р. Барта семиотические проблемы рассматриваются на предельно широком культурологическом пространстве, а исследования Ч.С. Пирса позволяют осуществить более корректную классификацию сем, отражающих сущность социальной памяти.

В работе «Воображение знака» Р. Барт анализирует знаки как определенные типы отношений: символические, парадигматические и синтагматические. Символическое значение отражает отношение, соединяющее означающее с означаемым, парадигматическое «предполагает для каждого знака существование определенного упорядоченного множества форм памяти» [6. С. 244], синтагматическое позволяет установить отношение между знаками. Символические отношения, являясь наиболее устойчивыми, позволяют представить и понять содержание памяти о прошлом, если сами символы будут «прочитаны» адекватно. Парадигматические отношения выявляют содержание нормативной памяти, которая составляет общее актуальное ее бытие. Парадигматические отношения, выступая как нормативные в определенном пространственно-временном континууме, позволяют реализовать идентификацию и самоидентификацию социума в хронотопе настоящего. Синтагматические отношения, выстраиваясь как бы «над» знаковым пространством памяти, позволяют предусмотреть знаки будущего в актуальном настоящем, учитывая их коннотативность. Семиологическая концепция Р. Барта позволяет раскрыть динамику семиозиса памяти, но оставляет в стороне ее содержание. Фактически мы видим одну из интерпретаций модального подхода, но уже к собственно знаковым системам. Для выявления проблемы знакового содержания социальной памяти обратимся к работам Ч.С. Пирса, который создал наиболее полный компедиум знаков. Он определяет знак как репрезентамент с ментальной интерпретантой, который представлен в трех видах: икона, индекс и символ. Икона, определяемая как репрезентамент, обладающий качеством первичности, которая сама способна реализоваться лишь как возможность, как будущее, знаково оформленное и в силу этого узнаваемое. Индекс = «репрезентамент, репрезентивный характер которого состоит в том, что он является индивидуальным вторым» [7. С. 202]. Подлинный индекс фиксирует актуальную реальность, представляя отпечаток знаковой картины настоящего актуального бытия. Между индексом и обозначаемым объектом существует причинно-следственная связь. Символ, согласно Пирсу, конституируется только как знак, получивший свое значение ранее и, тем самым, определяющий знаковую систему прошлого. Символ выступает как чисто условный знак, как следствие договора, который был заключен когда-то и продолжает действовать в настоящем времени.

Теоретическая экспликация семиотики Ч.С. Пирса и концепции знака Р. Барта позволяет выявить новые аспекты семиотического поля постижения содержания социальной памяти.

Знаково-символическая природа памяти наиболее полно фиксирует мир прошлого, который именно в силу своей всеобщей символичности помогает его понять и отразить в памяти, которая в этот момент сама выступает как память о прошлом, память историческая. Индекс, выступая как парадигмальное отношение, позволяет означить актуальную реальность в знаковой валентности прошлого или настоящего и тем самым установить глубинные связи времен, которые фиксируются в социальной памяти. Причем психологическое воздействие индексов «зависит от ассоциации по смежности, а не от ассоциации по сходству или интеллектуальных операций» [7. С. 201]. Иконический знак способен установить герменевтические связи между событиями прошлого, настоящего и будущего именно в силу своей синтагматичности. Икона как «знак по первичности» (Ч.С. Пирс) способна предустановить знаковую сущность будущего, «прочесть» и понять те знаки, смысл которых не всем и не всегда ясен. Но эта непонятность не есть сознательное сокрытие со-бытия. Напротив, это есть остенсивная ясность того, что, будучи сакральным, не является скрытым. В этом контексте социальная память выступает как провидение будущего.

Если ритуал позволяет достигнуть непосредственного понимания, знак способен дать опосредованное толкование содержания социальной памяти, то социокод позволяет выявить универсальные интерпретации содержания социальной памяти и обеспечить возможность передачи ее содержания от одного поколения к другому и тем самым обеспечить непрекращающуюся связь времен.

Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования 11.45.2005.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клацки Р. Память человека: Структуры и процессы / Пер. с англ. – М.: Мир, 1978. – 235 с.
2. Бахтин М.М. Тетралогия. – М.: Лабиринт, 1999. – 154 с.
3. Гриненко Г.В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация. Логико-семиотический анализ вербальной магии. – М.: МГУ, 2000. – 346 с.
4. Соломоник А. Язык как знаковая система. – М.: Наука, 1992. – 242 с.
5. Философия языка и семиотика / Под общ. ред. А.Н. Портнова. – Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 1995. – 248 с.
6. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1999. – 634 с.
7. Пирс Ч. Избранные философские произведения / Пер. с англ.– М.: Прогресс, 2000. – 364 с.